

ТОПОГРАФИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ПРАКТИКИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ГОРОДА ГРАЖДАНСКИМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ АКТИВИСТАМИ

Семенов Андрей

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры Новой истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Тюменский государственный университет

Социальные науки в последнее время подвергают значительному пересмотру фундаментальные основания научного поиска, которые меняют, в том числе, и язык социальных наук. Традиционный фокус на процессах, репрезентируемый в понятиях «эволюция», «модернизация», «демократизация» и прочие, смещается в сторону осмысления роли пространства и пространственного воображения в производстве социального. Процессы, которые, конечно же, остаются в центре изучения социального, оказываются пространственно распределенными: модернизация привязана к локальности посредством инфраструктур, культуры и институтов, миграция по определению обусловлена возможностями пространственной мобильности, даже внутри одних и тех же стран такой процесс как демократизация по-разному протекает в субнациональных единицах. Исследования в области культурной/ когнитивной географии демонстрируют, что пространство конструируется и воспроизводится в самых различных социальных практиках: от создания туристических маршрутов до формирования региональных и кросс-региональных идентичностей, от городского планирования до установки шлагбаумов в жилых комплексах, от политики обозначения улиц и публичных пространств до граффити. Большинство наблюдаемых социальных феноменов (особенно в развитых странах) вообще исключительно привязано к пространственному феномену города. Как отмечает Э. Сойа,

«Реструктуризацию национальных капитализмов, основанных на массовом производстве, массовом потреблении и социальном обеспечении, которая привела к послевоенному буму... следует понимать – больше, чем в какой-либо другой период в прошлом – как глубоко пространственный процесс» [1: 138]. Потому представляется важным изучение пространственных аспектов того или иного социального/ политического феномена.

Публичная сфера, не являясь популярным концептом в социальных науках, тем не менее, представляет особый интерес в этой перспективе. В классическом исследовании Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» этот феномен уже привязан к определенным топосам – кофе-хаусам в Лондоне, салонам в Париже и литературным кружкам в Берлине [2]. Именно в таких местах просвещенная аристократия, зарождающаяся буржуазная публика, литераторы и прочие представители свободных профессий собирались для обсуждения сначала литературных текстов, а потом – общественно-политических вопросов. Эти топосы отличались относительной открытостью для общества раннего Модерна: попасть в салоны и кружки можно было благодаря образованию или заслугам, а не статусу. Обсуждение отличалось равенством сторон и апелляцией к рациональным аргументам. Таким образом, именно такие городские места способствовали формированию новой политической силы – общественного мнения, которое благодаря развитию печатной прессы преодолевало ограниченность изначального пространства и распространялось среди других общественных групп. В то же время теория Ю. Хабермаса изначально не содержала попытки качественной проработки пространственного измерения публичной сферы. Критики указывали, что «буржуазная публичная сфера» была далека от идеалов открытости

и равенства, женщины, рабочие и многие другие группы были исключены из нее. Более того, последние формировали альтернативные публичные пространства. Так, например, непривилегированные слои Лондона использовали Гайд-парк для проведения собраний и митингов, в дальнейшем он использовался как место предъявления позиции фактически всех политических партий и сил. Рабочие в XIX веке получили свои собственные инструменты трансляции общественного мнения.

Современные исследователи стараются избегать крайности идеализации нормативной теории публичной сферы. Ш. Эйзенштадт, Б. Виттрок и В. Шлюхтер написали несколько работ, посвященных идее «множественности» публичных сфер, их центр-периферийного устройства, подобного рода попытку предпринял А. Коллер из Центра по изучению публичной сферы Исследовательского совета по социальным наукам. Аргументы последнего состоят в том, что публичная сфера не тотальна, не является всепроникающей, но пространственно распределенной. Участники обсуждения имеют неравный доступ к повестке дня, средствам трансляции значений, сама публичная сфера может состоять из множества фрагментов, особенно в отсутствие единой публики.

В этой перспективе представляется актуальным анализ тенденций, равно как и причинно-следственных связей освоения городских пространств, в рамках которых в основном и происходит публичное обсуждение общественно значимых вопросов. Освоение пространства оказывается вписанным в разные логики: различные акторы, социальные группы и институты по-разному инструментализируют, воздействуют на городское пространство. Ю. Хабермас писал о доминировании административной и корпоративной логик, против экспансии которых на «жизненный мир» человека необходимо возвести «демократическую дамбу», таким образом, к этим двум можно добавить третью – логику «гражданскую». В рамках административной (бюрократической) логики пространственное освоение подчиняется императивам контроля (в том числе – контроля над границами). Отсюда возникает деление города на округа и прочие административные единицы, создание генерального

плана развития городов, а также контроль использования мест «общего пользования» – парков, садов, улиц и т. д. Логика капитала подчиняется императиву прибыли, в том числе за счет создания удобной инфраструктуры для ведения бизнеса: широких дорог и больших автостоянок, офисных комплексов и удобных развязок, что происходит в том числе за счет приватизации и «захвата» публичного пространства, его разметки специальными знаками и устройствами (шлагбаумы, ограды, пропускные пункты). Наконец, логика гражданских движений должна отличаться от предыдущих двух стремлением сделать городское пространство более открытым и доступным, местом сообщения граждан между собой по вопросам совместного управления городом.

Исследования городской среды в России с точки зрения пространства только начинаются появляться. Указывается на существенные изменения с советского периода и рубежа 1980–90-х гг. в области управления городами: спад общественной активности, отсутствие городского планирования и коррупция в органах местного самоуправления, которые приводят к проблемам с точечной застройкой и уничтожением мест отдыха и парковых зон, уничтожение памятников архитектуры, переименование улиц. Разрушение советской централизованной модели управления, а также возникновение основ капиталистической системы привело к появлению новых практик пространственного освоения города в рамках логики получения прибыли: рекламы в самых различных ее проявлениях, новаций (зачастую получающих неоднозначную оценку общественности и экспертов) в архитектурном облике, пробками и заторам на дорогах в связи с возросшей нагрузкой, появление торгово-развлекательных центров и иных частно-публичных «мест отдыха» городской буржуазии. Это не могла не отразиться на гражданских практиках: возникли контрстратегии движения против уплотнительной застройки и в защиту зеленых насаждений, широкое распространение получили граффити, в том числе политические, стали практиковаться перформансы и другие формы активности.

В свете такого подхода пространственное освоение городов постсоветской России может быть проанализировано в сравнительной пер-

спективе. Результаты многолетнего мониторинга общественно-политической активности горожан Тюмени позволяет сформулировать некоторые гипотезы и основания для такого анализа. Так, общий контекст территориального развития города за последние 10 лет задавался практически исключительно официальной властью: после прихода на пост губернатора С. Собянина в 2000 году, в город стало вкладываться значительно больше средств (в 2008 году доля трансфертов в бюджете г. Тюмени из регионального бюджета составила более 60%), в том числе в дороги и благоустройство территорий. В этой же логике и на фоне бурного экономического роста в стране и в регионе в частности власти активно помогали девелоперскому и строительному бизнесу в вопросах застройки и развития городской инфраструктуры. Однако административная логика в результате полностью игнорировала в своих действиях общественное мнение, что привело к появлению территориальных точек напряжения.

Одним из первых таких случаев стала вырубка зеленых насаждений на Текутьевском бульваре (перекресток улиц Республики и Холодильной) осенью 2004 года, в ответ на это гражданские активисты провели серию уличных вечеринок (street-party), которые собирали от 30 до 50 человек прямо на месте предполагаемой вырубки. Обширный и продолжительный конфликт развернулся в 2005 году вокруг вырубки березовой рощи в 5-м микрорайоне, на месте которого предполагалось строительство элитного жилого комплекса. Местные жители несколько раз блокировали работы, рисовали граффити, были зафиксированы стычки между рабочими и жителями. Последним активно помогали правозащитники, активисты анархистского движения, представители политических партий. В октябре 2007 года жители домов по ул. Ямской (60–70 человек) перекрыли улицу для движения машин в знак протеста против начала строительства элитных домов на месте детской площадки. В 2010–11 гг. развернулись конфликты вокруг уплотнительной застройки на улице Логунова и незаконного строительства гаражей на улице Коммунаров. Результаты противостояния в описанных случаях были разные: на Текутьевском кладбище удалось сохранить часть зеленых насаждений, отстоять березовую

рощу и детскую площадку на ул. Ямская не получилось, к ситуации на улице Логунова подключились депутаты областной Думы, но исход дела еще не решен, жители ул. Коммунаров выиграли дело в суде против застройщика.

Другой формой ретерриториализации города гражданскими и политическими активистами стала организация и участие в публичных акциях. Здесь можно отметить как традиционные (демонстрации, митинги, пикеты), так и нетрадиционные форматы (перформансы, шествия, флеш-мобы). Политические партии, как правило, являются основными инициаторами публичных акций. Так, коммунисты (КПРФ и РКРП) собираются от 30–40 до 400 человек (на первомайские демонстрации), ЛДПР мобилизует до 100–120 человек, «Справедливая Россия» – до 60, движение «Автономное Действие» – до 25–30, Greenhelpers – до 40. Самыми многочисленными гражданскими акциями, где политические партии были только соорганизаторами, стали: сход граждан города Тюмени против фальсификации результатов выборов 4 декабря 2011 года (10 декабря 2011, 1500–1700 человек), митинг против фальсификации результатов выборов (24 декабря 2011 года, 600–700 человек), митинг против «распила общественных денег» (20 октября 2010 года, 250–260 человек), митинг против слияния университетов (апрель 2004 года, около 300 человек). Примечательны места проведения акций: большинство проводится на Центральной площади («площадь Ленина»), где располагаются здания правительства и законодательного собрания области. Как правило, здесь проводят свои мероприятия коммунисты, а также профсоюзы, обмануты дольщики, здесь проводились выступления студентов против отмены транспортных льгот и введения комендантского часа в мае 2010 года. Символическое значение таких мероприятий заключается в обращении к власти, так как по сравнению с другими площадями это место не самое «проходное».

Интересно, что практики пространственного освоения в том числе манифестируют различия между политическими силами: так, с 2008 года первомайские демонстрации в Тюмени проходят в два этапа – сначала официальный – с «Единой Россией», «Справедливой Россией», ЛДПР и профсоюзами, шествие которых заканчивается

на Цветном бульваре, который был создан относительно недавно. Чуть позже выходят коммунисты и другие группы, не ассоциированные с властью (анархисты, протестные движения, с 2011 года – Совет инициативных групп и граждан), шествие которых заканчивается на Центральной площади. Тем самым в одной случае манифестируется «праздничный» характер первого шествия: Цветной бульвар политически никак не маркирован, является местом гуляний и развлечений, досуга. Собрание на Центральной площади носит совершенно другой, протестный, политический окрас – это оспаривание власти. Парадоксальным образом, «Единая Россия» оказывается хранителем традиций советского времени с ритуальным характером всех публичных мероприятий, тогда как КПРФ и РКРП, несмотря на свою советскую риторику, формируют новое пространство политической борьбы.

Другим примером использования пространства в качестве демаркационной линии является проведение городского митинга против «распила бюджетных средств» в октябре 2010 года, организованного общественностью при поддержке политических партий. Чтобы подчеркнуть политическую нейтральность мероприятия, организаторы предложили провести митинг у здания Тюменского драматического театра, тем самым подчеркнув, во-первых, обращенность к другим горожанам, в не власти, во-вторых, неангажированность, наконец, митинг был в непосредственной близости от главного символа «распила» – строительства подземного перехода через улицу Республики. Митинг собрал 220–250 человек, около 15 выступающих, включая перформансы.

Наконец, абсолютными новаторами в пространственном освоении остается движение анархистов «Автономное Действие», которое постоянно меняет свою тактику территориализации. Во-первых, в 2006–2008 годах анархисты активно использовали граффити для распространения своих лозунгов («Выйдем на улицу, вернем себе город», «Никакой власти никому!», «Хочу в Грецию!»). В 2009 году вместо участия в первомайском шествии коммунистов АД организовали альтернативное шествие по улице 50 лет октября (12–15 анархистов), а затем «маевку» «Левее Ленина», в самом названии которой присутство-

вал пространственный аспект политического разделения: маевка проходила по левую сторону от памятника. Также АД проводили акции напротив «Центра по противодействию экстремизму», Площади борцов Революции (в формате уличной вечеринки). Похожую тактику применяет экологическая организация «Greenhelpers», которая также организует флеш-мобы в неожиданных местах, практикует шествия и т. д.

В то же время нельзя не отметить, что гражданские и политические активисты, осваивающие городское пространство – абсолютное меньшинство. На общем фоне использования торгово-развлекательных центров как мест отдыха, предпочтением личного автотранспорта общественному, практик огораживания и приватизации территорий, стратегии активистов лишь ненадолго приоткрывают городское пространство для всех. Логика обывателя состоит в исключении рисков и обеспечении собственной безопасности безотносительно издержек, связанных с комфортом других горожан (так, общественный транспорт экономичнее, экологичнее и безопаснее, но это противоречит установке горожан на статусность обладания автомобилем). Возросшая общественная активность за последний год может сделать это пространство более открытым. Но здесь, по верному замечанию Д. Харви, начинается диалектика: «Суть в том, что мы по одиночке и сообща в своей повседневной деятельности, предпринимая политические, интеллектуальные и экономические усилия, строим город. Все мы, так или иначе, архитекторы нашего городского будущего. <...> Но – и здесь возникает диалектика – город преобразует нас в городских условиях, которые мы не выбирали» [3: 82]. Вопрос заключается в том, найдется ли у гражданских активистов достаточно сил, воображения и ресурсов, чтобы возвести ту самую «демократическую дамбу» против сил бюрократии и капитала, в пространстве, где административная логика и логика прибыли безусловно доминируют.

Литература:

1. Сойа Э. Как писать о городе с точки зрения пространства. Логос, 2008, № 3.
2. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. – Cambridge, MA: The MIT-press, 1991.
3. Дэвид Харви. Право на город. Логос, 2008, № 3.